

Богданов К.А. *ВРАЧИ, ПАЦИЕНТЫ, ЧИТАТЕЛИ: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков.* — М.: ОГИ, 2005. — 504 с.

Любому человеку приходится сталкиваться с болезнями и медициной, и всех нас в конечном счете ожидает смерть. Из этих тривиальных фактов проистекает особое значение патографической проблематики для литературы и искусства. Этим же объясняется то заинтересованное, личностное отношение, которое книга К.А. Богданова, по всей вероятности, вызовет у любого читателя.

Как разъясняет автор, под термином «патография» он понимает «не “диагностирование” тех или иных представителей русской культуры на предмет их физического и психического здоровья, но сумму определенных, преимущественно литературных, контекстов, демонстрирующих взаимосвязь общественных представлений о *медицине*, с одной стороны, и о *болезнях и смерти* — с другой» (с. 9).

Надо сказать, что К.А. Богданов принадлежит к числу авторов, сочинения которых отмечены ярким своеобразием. Обычно он выбирает некое явление, относящееся к полю культуры в широком понимании, и рассматривает его проекции в различные сферы символической деятельности: литературу, фольклор, искусство, ритуалы и верования. В первой книге К.А. Богданова («Деньги в фольклоре»; 1995) в фокусе внимания автора были деньги, во второй («Очерки по антропологии молчания. Ното Тасенс», 1998) — «молчание», в третьей («Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности», 2001) — игра в жмурки, чиханье, каннибализм, курение, советская очередь. В рецензируемой монографии автор обращается к медицине и сопряженным с нею естественно-научным знаниям. И в этом случае такие явления, как холерные эпидемии, анатомический театр и т.п., рассматриваются в широком культурном контексте, в многочисленных проекциях в области социальной практики и различных символических форм.

Другая характерная черта сочинений К.А. Богданова заключается в том, что культура рассматривается им нерасчлененно, без разделения на литературу и науку, повседневность и мифологию. Излюбленный прием автора заключается в сопряжении «далековатых идей». Характерным образом он называет свои книги «Деньги в фольклоре», «Повседневность и мифология», «Врачи, пациенты, читатели», а главы рецензируемой книги — «Мелочи жизни: очевидное — невероятное», «Душа не тело: последние известия», «Патологоанатомия и революция», «Анатомический театр: аншлаг» и т.п. Каждое из этих названий играет смыслами, демонстрирует остроумие автора и содержит в себе некую загадку. Можно предположить, что «остроумие» автора представляет собой вполне осознанный прием. В последней книге К.А. Богданова, «О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов» (М., 2006), имеется специальная главка, посвященная «остроумию».

Первая часть книги озаглавлена «Живые и мнимоумершие», в чем также можно видеть определенный юмор. О мнимоумерших речь идет в последней главе — «Преждевременные похороны: филантропы, беллетристы, визионеры». Остальные 300 страниц, повидимому, посвящены «живым» (возможно, автор рассчитывал также на ассоциации с названиями типа «Живые и мертвые», «Павшие и живые»). Вторая часть озаглавлена «Холерные эпидемии в России: зараза, риторика, социальная мифология». И в этом заглавии, в котором слова «зараза» и «риторика» даются через запятую, проявляется остроумие автора.

Наконец, третья особенность текстов К.А. Богданова обусловлена тем, что во всех своих трудах он демонстрирует колоссальную образованность и начитанность. Обращаясь в основном к фактам русской культуры, он рассматривает их на широчайшем фоне, как часть единого европейского континуума; прослеживает истоки тех или иных явлений в античности, их параллельное

существование в Германии, Франции и других европейских странах. В рецензируемом издании особенно интересны этюды, посвященные деятелям европейской науки, которые жили в России или были с ней связаны: К.Ф. Вольфу, Г. Нудову, Г.Л. Аттенгоферу и др.

Впечатляет список цитируемых источников, который занимает более семидесяти страниц и охватывает основную литературу вопроса (вернее, многочисленных и самых разных вопросов) на немецком, французском и английском языках. Простое перечисление сюжетов, к которым обращается К.А. Богданов, поражает своим разнообразием. Здесь и факты, иллюстрирующие интерес Петра I к медицине, и история основания Кунсткамеры и приобретения коллекции Ф. Рюйша, и изобретение микроскопа, и история кровопускания и клистира, магнетизма и черепословия, меры против захоронения мнимоумерших, борьба с холерой и холерными эпидемиями и многое другое. Беремся предсказать, что любой читатель, вне зависимости от его профессии и образования, откроет для себя в книге немало нового.

Сочетание трех перечисленных особенностей делает книги К.А. Богданова ярким и незаурядным явлением в современной отечественной гуманитаристике.

В то же время, несмотря на свою увлекательность, рецензируемая книга не проста для восприятия и понимания. Проблемы начинаются уже с определения того, что, собственно, является объектом и предметом изучения автора. В ряду «врачи, пациенты, читатели» явно не хватает ожидаемого слова «писатели», а вместо банального «тексты русской литературы» фигурируют «тексты русской культуры». Что это, собственно говоря, такое?

В той или иной связи автор касается биографий и творчества таких классиков русской литературы, как М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.М. Гаршин и др. Кроме этого, он привлекает тексты писателей и поэтов второго ряда; по мере необходимости совершает также экскурсии в фольклор, народную ритуалистику и лубочные картинки. Автор обильно использует тексты, посвященные медицинским и естественно-научным знаниям. В качестве «культурного текста» могут также выступать музеи, музейные коллекции, патологоанатомический театр и т.д.

Свои теоретические позиции автор обосновывает в предисловии, озаглавленном «Медицина и (или) литература». Принципиальным для К.А. Богданова является осмысление медицины как властного института, адресованного «не к конкретному человеку, а к определенной группе людей, объединяемых единством вменяемой им социальной функции». К.А. Богданов полагает, что «больные становятся больными не тогда, когда у них нечто “болит”, а когда они готовы стать пациентами и подвергнуться медицинскому попечению» (с. 13). Сходство медицины и литературы, по его мнению, обусловлено тем, что они реализуют «риторические стратегии власти — стратегии произвола и принуждения, согласия и подчинения» (с. 15).

Однако глубокое сходство между медициной и литературой имеет, на наш взгляд, и иные основания. Сама ситуация взаимного общения врача и пациента предполагает порождение текстов, но главным их производителем выступает все-таки пациент, а не врач. Пациент рассказывает свою жизнь; врач выслушивает историю болезни. Этим объясняется значение врача как человека, который умеет выслушать больного. Обнажение физическое осмысливается как повод к обнажению духовному.

Общая гуманизация медицины постепенно привела к пониманию того, что человеку нужен врач, а не только таблетки или уколы. Характерно, что у лечащего врача есть постоянный круг пациентов (ср. приход у священника). Врач выступает в роли такого собеседника, которому не врут и рассказывают всё, в том числе такое, что всегда скрывали и не рассказали бы никогда и никому

другому ни при каких обстоятельствах. Существует определенная аналогия между историей болезни и исповедью. У постели умирающего присутствуют врач и/или священник.

В ряде случаев К.А. Богданов формулирует весьма ответственные суждения, но сразу идет дальше, никак их не разясняя и не аргументируя. Например: «Культура послепетровской России вообще и русская литература XIX в. в частности представляют собой, как это часто повторяют, уникальное явление в мировой истории» (с. 21). Наверно, автор считает, что читатель и без его напоминания знает, кто именно это «часто повторяет», потому и не обременяет себя библиографическими ссылками или хотя бы перечнем каких-то имен. Между тем для менее образованного читателя все же остается неясным не только то, кто это «часто повторяет» (Бог с ним, в конце концов!), но и то, что, собственно, обозначает такое утверждение. Понимать ли его в том смысле, что русская культура допетровского периода не была уникальной, а потом вдруг приобрела свойства уникальности? Или в том смысле, что все остальные культуры XVIII—XIX вв. (скажем, европейские) не были уникальными, а русская культура в отличие от них была особенной и уникальной? Или, наоборот, каждая культура была по-своему уникальной, и русская в том числе?

Во многих случаях спорные наблюдения содержатся в цитатах, которые приводятся без всякого комментария. Например, автор пишет: «В связи с интересом Евгения Онегина к Тиссо напомним попутно о давней статье психиатра И.Б. Галанта, объяснявшего особенности психологии А.С. Пушкина “гармоничной функцией обеих долей гипофиза”, но считавшего, что поэт страдал гипертрофированным развитием половых желез — был “болезненным эротоманом гипергонадального типа”...» (с. 148, примеч. 11). Следует ли это понимать в том смысле, что К.А. Богданов также считает А.С. Пушкина «болезненным эротоманом гипергонадального типа» или просто «напоминает» нам о том, что были такие психиатры, которые считали возможным выставлять диагнозы писателям и объяснять таким образом особенности их творческого процесса? Автор книги не может отвечать за все утверждения, которые он приводит, но отбор этих утверждений, их интерпретация и оценка принадлежат ему.

К сожалению, нам не показались убедительными страницы, посвященные изображению смерти в русской реалистической литературе второй половины XIX в. (с. 297—304). Автор делает довольно спорный вывод: «Быть верным “правде” — значит жить, помня не просто о смерти, но помня о реалистической “правде” смерти, и, напротив — нежелание думать о смерти, безразличие к реализму смерти равносильно лжи перед самим собою и перед обществом. Жить по правде — значит постоянно умирать, жить перед лицом и в ожидании смерти... Смерть “оправдывает” умирающего ввиду ее предсказуемости: чем ближе к смерти — тем праведнее. “Чем мертвее — тем лучше” (?)» (с. 297). Этот тезис подтверждается, например, строками Н.А. Добролюбова: «Милый друг, я умираю / Оттого, что был я честен...» Между тем в этой и других цитатах, приводимых далее К.А. Богдановым, речь вовсе не идет о том, что «чем мертвее — тем лучше». Здесь осмысливается такая ситуация, когда честному человеку не находится места в жизни и его смерть становится закономерной и неизбежной.

Предложенное К.А. Богдановым объяснение того, почему к концу XIX в. медики отказались от использования кровопускания, показалось нам несколько надуманным и излишне усложненным (с. 135—140). Автор и сам приводит кошмарное описание того, как Н.В. Гоголю перед смертью насильно ставили пиявки (с. 134). Думается, что осознание того, насколько мучительны и неэффективны такие действия, в конечном счете и привело к отказу от них.

Предположение о том, что Евгений Онегин, отвергнутый Татьяной, на досуге предавался чтению литературы о вреде онанизма, показалось нам остроумным, но малоубедительным (с. 141—148). Вряд ли можно рассматривать в данном случае имя и труды Тиссо так, как будто речь идет не о строках А.С. Пушкина, а о библиографической карточке в библиотечном каталоге. Если принять гипотезу К.А. Богданова, останется все же неясным, почему Тиссо выступает в одном ряду с

Гердером, мадам де Сталь и другими авторами, которые писали не о вреде аутоэротизма, а на всякие другие темы.

В главе о холерных эпидемиях автор рассматривает народные обряды, осуществляемые при эпидемиях («пахивание» деревни, вытирание «живого огня», тканье «обыденного полотенца»). Странно, что при этом не используется специальная работа, посвященная данной теме (Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. М., 1994). Вызывает также недоумение, что К.А. Богданов привлекает не только русские, но также украинские и белорусские материалы, никак этого не оговаривая. При этом украинские данные именуются «малорусскими» и говорится, что обряды такого рода распространены «на (!) юго-западных областях России» (с. 389). Такая атрибуция была бы понятна в устах этнографа второй половины XIX в., но она не вполне уместна у современного автора: Украина и Белоруссия не являются частью России.

Некоторые этюды, посвященные медицинской проблематике, показались нам излишне затянутыми (например, о кровопускании и клистире — с. 119—140). То же можно сказать об обширных цитатах и особенно группах однотипных цитат (с. 295—296, 376—377).

Отметим также неудачные стилистические обороты, например: «безответный» вопрос вместо «вопрос, не имеющий ответа» (с. 66); перевод, «выразивший <...> преддверие литературной выразительности русской классики XIX в.» (с. 71), «Фантастический житель Сириуса в “Микромегасе” Вольтера безмерно превосходит размерами жителей Сатурна» (с. 74); «...автор-швейцарец, выслуживший на русской службе <...> чин надворного советника, заслуживал <...> доверия» (с. 217); «репортаж к событиям» вместо «репортаж о событиях» (с. 278). Вряд ли можно сказать, что пиявки «употреблялись» (с. 133); их все-таки ставили, а не ели!

Ряд предложений построен по типу «подъезжая к станции, с меня слетела шляпа», например: «...не будучи платоником, было бы странно полагать, что есть такие идеи, которые существуют без слов» (с. 17; см. также с. 80, 218).

Российская национальная библиотека (ранее — Публичная) ошибочно названа в книге «Российской публичной библиотекой» (с. 33).

Приведенные нами соображения и частные замечания не отменяют общей положительной оценки книги. Богатая идеями и фактами, она, несомненно, найдет своего читателя.

А.Л. Топорков